

Вера ЗУБАРЕВА ДОМ-КОРАБЛЬ: ПОЭЗИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ

Часть биографии оставлена за бортом.
Шумит вдалеке другая дорога.
Вернуться в родной язык — что в нетопленный дом,
Где холод встречает с порога.

Если призрак — молчи. Это лучше, чем речь ни к кому.
Нарушение законов природы
Все равно непонятно запуганному уму,
Что обходит ту сторону небосвода.
Там — все то же, все те же, только знак изменен.
Чужестранец в обеих, ты в первой — всегда инородец.
Потому и оставлена часть от тебя — за бортом,
И другая грозит туда же в надрыве бессонниц.

Но как только минуешь ту зону больших облаков,
Там уже — Небеса, что сокрыты на небосводе.
Там сигнал на любом из своих языков —
Все равно не издастся ни в одном переводе.

Это так, обобщенье. Пока что еще не к себе.
Разобраться успеть бы хоть с одной из своих биографий.

Это, кажется, вышло на том, на другом, что теперь
Открестился и холодом веет. И вправде.

...Жизнь в маленькой кухне с окном на соседнюю пятиэтажку, похоже, подходила к концу. Тетрадь уже несколько дней задумчиво лежала на кухонном столе и смотрела на лампу своими пустыми страницами. Комнаты были почти разобраны, а чемоданы почти собраны, но легкость коммат все равно перевешивала пузатость чемоданов, потому что в комнатах обитала вся прошлая жизнь. Все уже решено, но от этого не становится понятнее, как переступить, переплыть, перелететь через то, что навсегда слито с тобою.

Где-то тихо движется отец — никогда, никогда он так тихо не пересекал коммат! — и буйно бежит по освобожденному пространству ребенок — и он так никогда не разыгрывался раньше. Мы покидаем отца, который придет позже, всего через год, но этот год будет уже не годом, а вехой, эпохой...

Время меняется на глазах вместе с пространством, лопается по швам, и сквозь него прорезаются звезды, совершенно не те, к которым мы привыкли. Отцу не страшно — он знаком со всеми звездами в разных частях земного шара. Так мне хочется думать, иначе — никогда не оставить этой кухни и навсегда прирасти к табуретке у стола с пообедневшей тетрадью.

К морским глубинам тянется душа.
Там все знакомо — кривизна пространства,
И копошенье — эхо вечных странствий,
И тьма, откуда жизнь произошла.
К морским глубинам тянется душа.
Туда же осень тянется за летом,
Туда уходит день за новым светом
И мысль за отрицаньем рубежа.
К морским глубинам тянется душа,
Чтоб в голос крови вслушаться взвзятку,
Следить, как жизни бродят нараспашку
По кромке неизвестного числа,
И ощущать привязанность нутра
К рассеянному тлению заветов
И расщепленью памятных моментов
На бесконечность краткого вчера.

(Из неопубликованного)

Навсегда, навсегда, навсегда... Пусть осыплются листья и иссушатся в пепел, и посыплют страницы, и не будет ничего, кроме этих легких пепельных насыпей, которые можно потревожить только дыханием.

Я делаю вдох, и горки слабо колышутся, а потом мягко оползают, рассеиваясь в сизом свете ночной кухни. За стеной слышны приглушенные голоса провожающих.

Звоню Ахмадулиной. Книга моих стихов с ее предисловием, готовившаяся к печати, уже никогда не выйдет в Одессе.

Она поднимает трубку.
— Я попрощаться.

— Верочка, все будет хорошо, — без лишних вопросов тут же отвечает она. — У вас все будет замечательно, — повторяет она уже с другой интонацией, как будто знает то, чего не знаю я.

Ну, все. Теперь только нужно пережить глаза отца в момент прощания. Одиннадцать вечера. Собираются друзья. Приходит Елена Куклова, ведущая актриса Одесской филармонии, наша добрая приятельница. Вместо традиционного прощания — чтение стихов. Лена открывает мою рукопись с предисловием Ахмадулиной и читает. Ночь медленно наполняет комнаты черными чернилами. Ребенок уснул на чемоданах в ожидании автобуса.

В последний раз оглядываю кухню — пристанище споров и размышлений. Больше сюда уже не вернуться, разве что в снах...

1

Дом начинен до отказа друзьями.
Три часа ночи. Последний друг —
самый забытый, самый, самый,
из детства, из глупостей, с кем адресами
никогда не обмениваются, и не испытывают мук
по этому поводу (следуя нормам
общепринятым — было и нет),
раскручивая на палке растопыренный кед,
решится,
войдет.
И дом будет взорван.

2

Вена еще далека.
Автобус подъехал к дому.

Каждому — два глотка
Воздуху или рому
Из опухолевых фраз,
Растущих в том, характерном
Направлении для метастаз.
Автобус заводится в нервном
Стремлении рвануть.
Сейчас!..

3

Посредине черной ночи —
Руки поднятые ввысь.
Посредине черной ночи —
Кто простишь, а кто — молишь.
Посредине черной ночи
То ли падал, то ли плыл
Дом опустошенный отчий
Сквозь ладоней млечный тыл.
Восклицанье "Вена! Вена!"
Заставало вновь врасплох
И, как скрытая каверна,
Прожигало каждый вдох.

4

Автобус юлит над обрывом.
Дорога к границе — что к Господу на суд.
По таким неправдоподобным извивам
Лишь ангелы смерти преставленного несут
По его же замирающим мозговым извилинам.
Каждый чувствует себя распиленным
Или расколотым вследствие грандиозной аварии
На левое полушарие
И на правое полушарие.

(Из сборника "Аура")

Эти стихи напишутся позже, в Италии.
Все. Дорога катит вперед, а ты смотришь назад. И это вопреки себе же самому, стремящемуся вперед и выбирающему дорогу.

...Все дороги ведут в Рим, включая и наши эмиграционные. Италия... После величественно-сдержанной Вены она — как внезапный залп с последующим фейерверком южного щедрого темперамента.

По вечерам на римском базаре бесплатно вываливают ящики непроданных фруктов, и спелая хурма, киви и бананы мгновенно разбираются ошалевшими от невиданной расточительности итальянцев эмигрантами.

Италия — это праздник, это карнавал жизни, это то, чего не бывает в реальности, — отсутствие обыденности и монотонности.

Где загорали вы? В Италии,
На склоне года, в ноябре,
В предместьях Рима — в той дыре,
Что и названья не слышали вы,
Что и на карте не искали вы.
В такой невиданной мечтальи
Я загорала в ноябре.
Сияли глянцами магнолии.
Все было так, как говорю.
И тосковала я не более,
Чем принято в сием краю.
И восхищалась я: в Италии
На этом самом берегу
Я ль очутилась, я ли, я ли, я!..
И плыл обернутый в фольгу
Кусочек жизни в поднебесье
Туда, где нет уже тепла,
Где я была,
Где быть могла —
К далекой, дорогой...
К Одессе...

(Из сборника "Менуэты с тенью")

Дом — один из центральных образов в моей поэзии и прозе. Его символика сближена с древом жизни, с мифологическим космосом, где бытие проникает в быт, видоизменяет его и поднимает на уровень осмысленности. Осмысленное бытие Дома делает его обитателей значимыми и самодостаточными, неподвластными разрушительному воздействию стихий. Само перемещение в пространстве — это движение не из Дома, а с Домом. Но происходит это отнюдь не автоматически. Процесс обрастания Домом так же медлен и мучителен, как процесс возвращения в себя после длительного беспамятства.

...Стою под ночным итальянским небом с его низкими звездами и стараюсь отыскать ту маленькую звездочку, всегда сопровождавшую меня в Одессе. Либо смотрю не туда, либо мир значительно сместился с оси. Смотрю еще раз. Ничего нет. Потеря звезды все равно что потеря отражения в зеркале.

Бутерброд, съеденный в Венеции, прямо на площади, возле собора, между сытых и вместе с тем жадных голубей, вдвойне роскошней, чем от него ожидалось. Мы не можем отведать горячей итальянской пищи — на ресторан нет денег. Так что приходится довольствоваться домашними заготовками. Сказка, иллюминирующая за хрустальными дверями и витринами, пока не для нас. Мы напоминаем себе зрителей, чудесным образом очутившихся внутри волшебного экрана. Нам можно разгуливать по переулкам и площадям. Все, что извне, — наше. Но вовнутрь нам проникнуть нельзя, потому что силы, перенесшие нас туда, еще не настолько всемогущи, чтобы сделать нас полноправными участниками действа. Впоследствии это войдет в книгу "Дом и его обитатели"...

Зимний воздух
Работы венецианских мастеров

Переливается в обрамлении кварталов.
Иллюзией двойственности миров
Наполнены кладези каналов —
Там колышется роскошь
Зацветших илом дворцов.
И плещущая о стены прама-тер Хаоса
Сочленяет отражения и объекты,
Как сиамиских близнецов,
Этажам нижнего яруса.

Гондола со статуэткой гондольера
Покачивается в лужице золота.
Детали собора, где для полноты интерьера
Не хватает только серпа и молота,
Веселятся и утверждают
Собственные каноны.
Спертые кони и фиктивные колонны
Разрастаются на солнце,
Будто в них подмешали дрожжи.
Над этими водами
Носился Дух Божий!

Венеция,
Ты будешь сниться всегда
Той, что смотрелась в твои каналы
И печалилась, что не оставила ни следа,
И о будущем ничего не знала.
Снишь ей,
Как страннику снится кров,
Чтобы не шел в бездуховном унынье.
Снишь,
Вместо вытатуированных снов
На мозга исколотой половине,
Когда имя, написанное по-латыни,
Отчуждается от его родослов...
И когда шлагбаум опускается
Под стать гильотине —
Снишь!

(Из сборника "Аура")

Перелетаем океан. Из Эдема теплой Италии попадаем прямо в снежный январь Филадельфии.

Первое впечатление от Америки — это ощущение инопланетности. Америка не похожа ни на одну европейскую страну. Иная планировка домов, иной вкус еды, иные запахи и люди. И климат. Впечатление, что ты где-то на Марсе. А тут еще пресловутая клубника зимой...

Несем домой клубнику. Идет снег. Улицу замело. Сыну восемь лет. Он стоит возле окна с клубникой в руке и задумчиво смотрит на крупные снежинки, потом поворачивается ко мне и говорит: "Мама, смотри, — лето, а снег идет!"

Ощущение искусственности собственного второго зарождения не покидало какое-то время. Первое лето было оглушительным, оно накатывалось на Дом в стремлении снести его буйностью форм и красок. Лавина состояла из ярких цветений и огненных насекомых, облепивших окна и деревья, и плотных небес, выкачавших воздух из легких покрытого испариной города. И дом постепенно прорастал корнями в новую почву, в которой зарождалась красота.

Нырять ночь
В узорах и изломах
Под тяжесть разодетых насекомых.
Панбархатом обшито крыло
Дородной бабочки дает внезапно промах
И возмущенно бьется о стекло.
Феерии бесчисленных светляков,
Что мчатся на огни особняков,
И разлетаются на мелкие осколки,
И сыпятся на травы и на елки.
Достигнуты заветные места.
Но как же и кому досталась та,
Другая жизнь, в нехитром до-мажоре
Проигранная запросто, с листа?
Опасный аромат любви и скорби
Разлит по дому, и жуки-гиганты
Штурмуют окна замкнутой веранды,
Запаянной, с их точки зрения, колбы,
Откуда ты, должно быть, происходишь —
Второй судьбы искусственный зародыш.

(Из сборника "Менуэты с тенью")

Следующее лето уже не было столь оглушительным, оно больше не накатывалось на Дом в стремлении снести его буйностью форм и красок. Дом постепенно прорастал корнями в новую почву, в которой зарождалась красота. Дом — это, в сущности, Древо Жизни, в котором ты навсегда слит с его корнями и сам же и являешься его кроной. Обретение Дома — это обретение себя в будущем, прошлом и настоящем, это проекция себя на вечность.

Перемена места — что перемена погоды.
Переживаешь не перелет или переезд.
Переоценка бывшего — вот роды,
Которыми завершается собственный арест.
Это — внутреннее преодоление пространства,
Как движение к Шамбале или Исход,
Или переход из язычества в христианство,
Или наоборот.
Это путь растения
От озерной кувшинки до Лотоса,
Путь сомнения —
От клочка крови до Голоса,
Путь свершения —
От "аз-буки-веди" до Логоса.

(Из сборника "Аура")